

УДК 882.09

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Чернова Мария Станиславовна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Вторая половина XVIII в. в Европе – это эпоха бурного общественно-политического и экономического развития, которое сопровождалось значительными изменениями в идеологии и социальной жизни. Все активнее заявляли о себе широкие народные массы, национальное самосознание европейцев приобретало определенность, все сильнее укреплялось просветительство. Однако, как подчеркивал Э.К. Дорошкевич, «философия Просвещения и в Польше, и в Белоруссии, и в Литве еще не могла получить такой решительно революционный и материалистический характер» [1, с. 8].

Действительно, исторические обстоятельства на белорусских землях второй половины XVIII в. складывались таким образом, что испытывавший постоянное национальное и социально-экономическое угнетение белорусский народ не мог участвовать ни в общественном, ни в культурном развитии своей страны. Один из первых белорусской этнографов и фольклористов И. Храповицкий считал политическое безразличие и безучастие исторически сложившейся национальной чертой белорусского народа, который попадал под влияние Литвы, Польши, России и «равнодушно взирая на борьбу, которую вели между собой эти державы». Понятие «белорус» стало означать крайнюю бедность, обездоленность, забитость и безвольность, о чем

писал польский поэт-романтик Ю. Словацкий. Кроме того, социально-экономическое угнетение белорусов сопровождалось их национальной, религиозной и даже языковой униженностью. В этих условиях стало неизбежным осознание собственной национальной «бесперспективности».

Следует добавить, что для появления «богатой» белорусской литературы в Белоруссии тоже не было необходимых условий. В то время как литература других европейских народов развивалась как выражение «духа нации», белорусская литература оставалась весьма упрощенной. «Даже ее эстетическое отношение к жизни чаще всего непосредственное; эта литература в большинстве своих произведений имеет еще чрезмерно утилитарный, «прикладной», публицистический характер», – так характеризовал белорусскую литературу второй половины XVIII в. М.А. Лазарюк [2, с. 27]. Трудно не согласиться с данным утверждением, потому что в развитии литературы определяющую роль играют два взаимосвязанных фактора: грамотность нации и заинтересованный читатель.

Нельзя утверждать, что на белорусской территории совсем не было европейски образованных людей. Образованные дворяне и здесь увлекались социально-политическими теориями Ж. Делиля, Ш. Монтескье и, особенно, Ж.-Ж. Руссо. Известен, например, такой факт: гродненский просветитель и меценат А. Тизенгауз приглашал автора теории «естественного человека» переехать в Беловежскую пущу и жить на лоне патриархальной нетронутой природы в идиллическом домике. Идея возвращения человека к его «натуральным чувствам» и концепция «общественного договора» Руссо вдохновили витебского философа А. Ржеутского написать «Думы о форме республиканской власти», которые были посвящены «правам природы». Но особый интерес у образованных читателей вызывали книги Вольтера, особенно те, в которых французский философ касался непосредственно белорусских проблем. Например, в «Истории Карла XII» Вольтер рассказывал о военных действиях вокруг Гродно и Могилева. К тому же, в условиях конфессионально-религиозных противоречий получали отклик антиклерикальные выступления Вольтера. В этой связи нельзя не вспомнить его «Опыт исторический и критический о несогласиях церквей в Польше». Это сочинение, в котором Вольтер гневно выступил против преследований православного населения со стороны мстиславских иезуитов. Тем не менее, собственно белорусская литература создавалась представителями демократических слоев населения и предназначалась для крестьян, мелкой шляхты, небогатых горожан.

Этот «социальный заказ» обусловил развитие, в основном, комических и сатирических жанров с их склонностью к эмоциональной, прежде всего, оценке изображаемого, что «роднило художественное творчество тех лет с фольклором» [3, с. 19].

К концу XVIII в. стали широко известны анонимное «Воскресение Христово», «Поздравление пану», «Энеида наизнанку», «Поздравление бондарю Савастею», «Бунт мужиков» Я. Барцевского и др. Эти произведения объединяла одна характерная особенность: несмотря на идейно-тематические и художественные различия, в своей основе они имели бурлескную традицию. Бурлеск – это вид комической поэзии, в котором серьезное содержание выражается несоответствующими ему образами и стилистическими средствами, а «возвышенные герои» классической античной либо библейской литературы оказываются как бы «переодетыми» в шутовское, чуждое им одеяние.

Бурлески в молодой белорусской литературе конца XVIII – начала XIX в. были явлением закономерным. Написанные белорусским языком, который тогда считался крестьянским, нелитературным, они рисовали картины простонародного быта и обычаев, вводили фольклорные элементы и позволяли в шуточной форме рассказать о злободневных проблемах. Бурлескная поэзия создавалась, главным образом, странствующими школярами и формировалась в бурсацкой среде, поэтому в белорусские произведения проникали вольнодумство европейских просветителей и даже недовольство существующим порядком вещей.

Очевидно, под влиянием антиклерикальных идей французских просветителей оставшиеся неизвестными авторы создавали множество произведений, в которых выражалось отношение простых людей к священнослужителям и церковной схоластике. Это были, прежде всего, пародии на канонические духовные

тексты. Показательны в этом смысле произведения, близкие по своей стилистике к калядному белорусскому фольклору: «Старый Осип бородатый», «Того дня весьма славного», «В Вифлееме, убогом доме». Простонародные имена и упоминаемые в тексте атрибуты крестьянского быта, однако, не привносили в такие произведения антирелигиозного оттенка. Это позволило униатским священникам использовать, например, стихотворение «В Вифлееме, в убогом доме» для распространения христианского вероучения среди крестьян и даже публиковать его в «Служебниках».

По своему содержанию и стилистике к фольклорным комично-шуточным произведениям были близки анонимные произведения, записанные историком и фольклористом Е. Романовым: «Отче наш, батька наш, курей крал, под печь ховал...», «Господи помилуй! Дед бабу покинул...». Нельзя в этой связи не вспомнить наиболее крупное из сочинений травестийного ряда «Воскресение Христово и сошествие его в ад», которое являлось свободной переделкой украинского произведения «Вирши на Пасху». В данном случае от библейского содержания остались лишь традиционные имена, отношения небожителей напоминали реальные отношения людей, достоверно передавались реалии повседневной жизни крестьян. Неизвестный автор не ставил цель поглумиться над библейскими персонажами, не углублялся в оценки и не использовал сатирические средства. Он шутливо обошелся с библейскими сюжетами, соединил их с несответствующими ситуациями и ввел неожиданные персонажи, создав комическую ситуацию, традиционную для бурлеска.

Простонародные языковые средства и фольклорные образно-стилевые особенности белорусских пародийных произведений второй половины XVIII в. зачастую вводили в заблуждение собирателей-этнографов. Например, «Воскресение Христово и сошествие его в ад» И. Носович включил в фольклорный сборник «Белорусские песни», где оно было впервые опубликовано в 1874 г.

Особенно горячий интерес вызывали у читающих белорусов антикрепостнические произведения русских просветителей. Их книги были в библиотеках народных училищ в Витебске, Полоцке, Могилеве. В рукописном виде было широко распространено «Путешествие из Петербурга в Москву». Под влиянием подобных сочинений и белорусская литература стала поднимать злободневные социальные вопросы. Однако сделать это можно было лишь на сцене, поскольку сатирические журналы на белорусской территории еще не издавались.

Наиболее ярким произведением белорусской драматургии конца XVIII в. была пьеса К. Марашевского, озаглавленная просто «Комедия» (1787). Известно, что автор был монахом и преподавателем Забельской доминиканской коллегии, а его пьеса предназначалась для постановки силами учащихся. Однако «Комедия» отличалась от типичных школьных драм тем, что автор не только использовал живую простонародную речь и рисовал правдивые картины крестьянского быта, но и вывел на сцену простого крестьянина.

По сути Марашевский развивал традиции русской сатирической журналистики 1760-1770-х гг. и, прежде всего, Н.И. Новикова, который на страницах своего журнала «Живописец» впервые дал слово простому народу. Серия публикаций «Отписки крестьянские» были составлены на основе подлинных писем крепостных крестьян, которые со всех концов России приходили в законодательную Комиссию 1767 г., участником которой был сам издатель «Живописца». А безымянные «Отрывки путешествия в И*** Т***», опубликованные Новиковым, не только рисовали реальные картины народных бедствий, но и давали социальную оценку крепостничеству, предвосхищая тем самым «Путешествие из Петербурга в Москву».

Однако ни Марашевский, ни герой его «Комедии» не выступали в роли обличителей социальных условий. Крестьянин Демка, главный герой «Комедии», лишь горько сетует на свою долю, проклиная каторжную работу, на которую он обречен от

рождения до самой смерти. Никакого сопротивления обстоятельствам у Демки нет, он покорно принимает свою жизнь и заведенный порядок вещей, обвиняя во всех своих бедах праотца Адама. Но появившийся на сцене Черт пытается втолковать крестьянину, что винить во всем надо не Адама, а самого себя, свои слабости и пороки. Демка не соглашается с доводами собеседника, и Черт, желая продемонстрировать свою правоту, предлагает пари. Если Демка сумеет в течение одного дня удержаться и не проронить ни одного слова, он получит крупную сумму денег. Если же нет, то Черт забирает его к себе в Ад.

Следует подчеркнуть, что сюжет о сделке с дьяволом, когда в обмен на некие материальные блага человек готов не только расстаться с жизнью, но и погубить свою бессмертную душу, мог быть заимствован Марашевским как из литературы барокко, так и из народных сказок. Второе более возможно, потому что Черт в «Комедии» напоминает фольклорных персонажей данного ряда. И хотя он, на первый взгляд, ничем не отличается от обычных людей, он наделен чертами, которые воспринимались народом как враждебные. Черт одет как шляхтич, а в свою речь он постоянно вставляет польские слова.

Однако автор не следовал сказочным законам, требовавшим неизменного торжества находчивого или усвоившего урок крестьянина. Заканчивалась «Комедия» пространными монологами крестьянина Демки и Черта, смысл которых сводился к тому, что не надо искать виновного в своих несчастьях, если виноваты только собственные слабости: глупость, слабоволие, неумение держать данное слово. В духе идей просвещения автор «Комедии» пытался доказать, что словом можно изменить мир, а воспитывая человека нравственно, художественное произведение помогает избавиться его от слабостей и пороков, которые и являются причиной всех жизненных неудач. Социальный же конфликт, наметившийся в «Комедии», развития не получил. Предназначенная для простого народа пьеса имела дидактический смысл и оставалась в пределах школьной драмы.

Широкую известность у представителей полочкой шляхты, а затем и у крестьян получила поэма Я. Барщевского «Бунт мужиков». Более того, в крестьянской среде она стала восприниматься как народное произведение, а в конце XIX в. даже попала в фольклорные записи П. Шеина.

Поэма «Бунт мужиков» уже не ограничивалась бытоописательными картинами народной жизни. Барщевский основывался на реальных исторических событиях – крестьянский бунт в имении помещика Малиновского, произошедший в 1812 г. Тема народного возмущения позволила автору заострить социально-политические проблемы: крепостничество, безграничная власть помещиков, их своеволие и безнаказанность.

Интересным представляется тот факт, что творчество Барщевского отразило тенденции, сложившиеся в русской литературе конца XVIII – начале XIX в. Тогда самые острые социальные противоречия открывались писателями, которые не только имели революционных убеждений, но и, напротив, стремились предостеречь власть имущих от народного бунта.

Произведений белорусской литературы эпохи Просвещения не слишком много. К тому же они не всегда соответствовали эстетическим образцам, созданным в Европе. Тем не менее, белорусская литература существовала. Существовала в соответствующих формах и была направлена на решение просветительских идеологических задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дорошевич, Э. К.* Философия Просвещения в Белоруссии : дис. ... д-ра филос. наук / Э. К. Дорошевич ; Академия наук БССР, Институт философии и права. – Минск, 1983. – 395 с.
2. *Лазарук, М. А.* Станаўленне беларускай паэмы: Жанр паэмы і некаторыя асаблівасці развіцця беларускай літаратуры ў першай палавіне XIX ст. / М. А. Лазарук. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – 198 с.
3. *Беларускае барока: гісторыка-тэарэтычныя праблемы стылю* : навуковае выданне / пад рэд. Б. А. Лазука. – Мінск : Беларусь, 2001. – 144 с.